

The severe theory

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Карина Соловьёва-Доронина
Алиса Лисовая
Виктория Михайлова
Екатерина Никулина
Людмила Пикус
The Severe Theory

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37941227
SelfPub; 2018

Аннотация

Ты видишь перед собой не просто сборник. Это маленькое чудо, – это не менее сотни бессонных ночей на каждого, целая куча сомнений в себе и в своем таланте, несколько жизней, вложенных в рассказы, – двести страниц, которые составляют кусочки наших душ. Короче говоря, мы старались, и у нас получилось – мы живем и пишем об этом. Вот и все, что нужно знать об этой книге. Она стоит того, чтобы в нее влюбиться. Она правдива. Она о тебе. Содержит нецензурную брань.

Катерина Никулина

От автора:

Долго раздумывать над тем, что я хочу сказать, мне еще никогда не приходилось, ибо мама воспитала меня так, что за словом в карман лезть обычно не приходится. Однако, самым сложным для меня всегда было одно – начать. А начинать хоть с чего-то, но приходится. Всегда.

Так вышло, что подготовка публикации выпала на тот самый период времени, когда я в очередной раз перевернула свою жизнь с ног на голову. Изменила все – начиная от длины ногтей и цвета помады и заканчивая образом жизни. И, само собой, мышлением.

Так вышло, что меняется во мне многое и меняется постоянно – методом проб и ошибок я стараюсь найти лучшее для себя и лучшее в себе. Остается лишь одно – моя правда. Я искренне верю, что честность и искренность – перед собой в первую очередь – неотъемлемая часть поиска лучшего, и поиск этот является процессом важным и в течение жизни не прекращаемым (по крайней мере, в идеальном варианте развития событий). Более того, этот процесс нельзя ни упрощать, ни усложнять. Им нужно жить. Впрочем, о процессах чуть позже.

Так вышло, что моя правда – в слове, и сила моя – в нем же. Так же, впрочем, как и слабость и уязвимость, ибо ничего еще не выходило мне таким боком, как эта самая правда. Но это мое основное средство, а значит, крыть я буду именно

этим козырем – неизменно им. Я, конечно, тоже ношу маски. Человечность никто не отменял. Но маски эти непременно мной изобретены, отточены и потому даже они – искренни. Я не притворяюсь. В моих образах, словах и жестах только я, в них не присутствуют другие люди. Именно поэтому во мне теплится надежда, что каждый из вас, читающих весь этот поток сумбурных и порой нелогичных выводов, доводов и мыслей в целом, найдет что-то свое в этих текстах.

Так вышло, что поиск лучшего для меня – поиск на тот момент еще неосознанный – начался именно в момент очередного разворота на сто восемьдесят. С той самой ночи, когда я случайно вышла выкурить Б-г знает какую по счету сигарету на промозглый февральский ветер вместе с малознакомым на тот момент парнем. Более странного и невнятного диалога, чем тот, в моей жизни не было и вряд ли когда-либо будет. Но именно холодному балкону, невкусной сигарете, обрывистому диалогу и не вызывающему на первый взгляд доверия парню я обязана тем, что произошла смена полярности в моей голове, душе и даже теле. Спасибо, Ди. Спасибо. Спасибо за все, что уже дал мне и за то, что даешь каждый день. Спасибо, что заставил меня проснуться и стряхнуть, наконец, уже въевшуюся под кожу пыль прошлого. Дальше – больше. А я тебя уже больше, чем люблю.

P.S. Как бы ты ни старался меня разубедить, но все, присутствующее здесь, на этих страницах и вообще когда-либо выходявшее из-под моего «пера» – все ты, для тебя и о тебе.

Так уж вышло. Именно поэтому:

«Даниилу, моему невероятному D.P. посвящается»

Искренне и от всего сердца благодарю моего лучшего друга Виктора, знающего каждый текст и все его причинно-следственные изнутри, вечно распутывающего узлы и раскладывающего по полкам то, что слишком непонятно (то есть абсолютно всё); дорогую Кристи, дающую мне колоссальную веру в человеческую искренность и настоящую женскую дружбу; самую любимую Эльвиру, умеющую дать лучшего пинка, если слишком долго топчешься на одном месте, изучившую меня лучше всех ныне живущих и всегда толкающую меня выше и выше к звездам; родного и незаменимого Алексея, подпитывающего мою веру в свою исключительность; пожизненную духовную наставницу Евгению, которая подтолкнула меня выплескивать накопившееся на бумагу; самую активную JulieCole, благодаря которой появилось множество потрясающих историй, вдохновивших меня на постукивание клавишами; заботливую и понимающую сестру Анну, которая терпеливо воспринимала на слух все наработки за бокалом белого. Отдельная благодарность талантливому писателю Карине Соловьевой-Дорониной, потрясающе чуткому и деликатному наставнику.

Спасибо вам. За поддержку, веру в силу этих букв и потраченное на чтение и критику моей писанины время.

Надеюсь, вам понравится.

С огромной любовью, ваша

«Нутро молодости или Акт обезумевших»

Моему поколению.

Мы перестали носить маски, потому что наши истинные лица стали им соответствовать. Мы научились отключать все чувства, кроме юмора, и отправлять эндорфины в спящий режим. Мы приобрели навык манипулирования теми, кто еще вынашивает бабочек ниже солнечного сплетения, и выступаем кукловодами по своей сути: задевая пальцами душевные струны покорившихся – не покоренных – с нескрываемым сарказмом наигрываем джаз разбитых сердец.

Мы – молодое поколение. Мы – уставшие к своему второму десятку от бесконечной борьбы с самим собой и открытой пошлостью мира, обезумевшие ублюдки.

Когда-то напускное безразличие стало действительностью. Улыбка в момент получения очередного плевка в душу больше не стоит титанических усилий воли.

Так просто стало жить. Так сложно стало верить.

Мы не боимся терять. Этот страх растаял вместе с дымом бесчисленных сигарет, которыми мы высушивали слезы, выжатые когда-то кем-то несбывшимся.

Книжная любовь потеряла свое место под погасшими звездами нравственности. Ее больше нет. Изредка происходит столкновение лбов – ошалевших, лишенных иллюзий по поводу моральных внутренностей, – своих и конкурен-

та. Именно конкурента, не партнера. С тем, кого желаем, непременно станем мериться концентрацией бессердечности. Непременно проверим амплитуду эмоциональных качелей с тем, кого любим.

Запустим шестеренки своего внутреннего беса, соревнуясь в ментальных извращениях на очередном кругу собственноручно выстроенного ада. Пустим по нему оппонента, накрепко связав ему руки жесткими требованиями и залив глаза чернилами неоднозначных бесед. Что получим в итоге?

Возможно, конечно, один раз на миллион случится волшебство, и оба вывесят белые флаги. Ну, или границы аморальности совпадут. Тогда случится то, что являет собой замену книжной любви, ставшей рудиментом на душе социума. Следующая ступень эмоциональной эволюции, если позволите. Назовем это актом обезумевших.

А разве так хочется нам?

Я хочу правды и счастья. Хочу настоящее, не пластиковое, не соевое и без мишуры. Чтобы чувства – искренние, слова – как отражение мыслей, поступки чтоб совпадали с искренним намерением, улыбки – открытые и слезы – чистые.

Чтобы в душе гармония царила и, можно было не прятать своего внутреннего ребенка. Чтобы для змеиной зависти не было места в сердце, чтобы помыслы – добрые. Чтобы любовь не измерять килограммами разбитых сердец, а чтобы она теплыми волнами окутывала, и чтобы смех переливался

звонкими колокольчиками. Тогда шутки были бы ради шуток, не для обиды и не для укола.

Хочу, чтобы красота изнутри светом одаривала и горела, чтобы руки греть друг другу нежным дыханием и эти же руки сжимать сильно, и боль делить пополам, и грусть, и счастье.

Это ведь не миру не хватает мира. Это нам с вами не хватает мира. И любви, и доброты, и заботы, и честности. Озлобленные, недолюбленные, покинутые, одинокие. Кусаем друг друга за незажившие раны. А надо бы иначе.

Я по-другому хочу. Правды хочу и счастья.

А еще я верю. Однажды мы перестанем быть эмоциональными импотентами и начнем бороться за счастье. Совершим безумства, пересечем границы своей зоны комфорта. Научимся говорить о чувствах и вовремя целовать любимых.

Мы оценим по достоинству, уничтожим сомнения и завоеваем доверие. Остановим на пороге, скажем нужные слова, признаем ошибки и отчеканим правду. Откровения будут лететь в лицо любимым автоматной очередью, и хоть надежда на прощение будет тусклее потухшего пламени, а они все равно поймут. Простят. Примут. Если не будет слишком поздно.

Жизнь скоротечна, не забывайте. А еще она имеет свойство меняться в секунду. Тик-так. Время – сквозь пальцы песок, а обида и недосказанность капля за каплей переполняют чашу ожидания и веры в то, что «еще не поздно». Не ждите, что время вылечит или на места расставит. Нет. На

места все расставляют слова и поступки.

Музыка: Ludovico Einaudi – Primavera

«То, что каждому знакомо»

Живешь себе, живешь, суетишься, бежишь куда-то. Процаешься с одними людьми, встречаешь новых на своем пути, узнаешь их, принимаешь или отдаляешь, и так день за днем, неделя за неделей. А потом случайно встречаешь человека с Его глазами. И все.

Зависаешь. В голове возникает образ любимого лица со сладкими ямочками, до боли знакомая щетина на улыбочивых щеках, глубокий взгляд пронизывает до костей. И вот ударная волна уже захлестнула от кончиков пальцев до кончиков волос, и ты, не отрываясь, смотришь на обладателя этих глаз не в силах пошевелиться. А потом понимаешь, что это не Он.

Это не Он, и Его не вернуть. Не увидеть, не обнять, не услышать голоса. Его у тебя больше нет. И во всем мире нет. Нигде нет. И никогда, совсем никогда не будет.

Есть только чужие глаза, столкнувшие тебя в пучину воспоминаний, смотрящие с любопытством и непониманием.

А Его нет. И больше никогда не будет.

Музыка: Ludovico Einaudi – Ritornare

«Непреренно»

Воскресенье было неприлично ленивым и пасмурным. Город был сонным. Люди не спеша измеряли шагами централь-

ную улицу города.

Было тепло, но слишком ярко, несмотря на то, что весеннее небо заволокло сероватым пухом облаков. Кофейни были переполнены молодыми людьми, безуспешно пытающимися воскреснуть после бурной субботы.

День был размеренным и все же неприлично ленивым. Птицы не столько пели или чирикали, сколько кричали, словно пытаясь обозначить свое место в этом мире. А я вдруг решила, что хочу вычеркнуть всех, кто был до тебя.

Все воспоминания прошлого – в топку. О бывших, недолюбивших, предавших и даже обожавших больше жизни. Исчезнувших из моего эфира по своему желанию или вопреки ему. Хотелось не только забыть, а еще и вычеркнуть. Всех. Сжечь список, обнулить километраж. Перевернуть, наконец, чертову страницу. Перестать уже думать, анализировать. Плюнуть на все это и отпустить.

Все, что было до нашей встречи, показалось неизмеримо малым – почти ничтожным. Все, что было до знакомства с тобой, представилось лишь редкими каплями перед теплым летним дождем, смывающим тревоги, сомнения и меланхоличную грусть.

Этим утром я пожелала забыть поцелуи и прикосновения тех, кто был до. Забыть их имена, голоса и взгляды. Мысли о них больше не откликались внутри ничем: ни пустотой, ни тоской, ни ностальгией.

Я стала уравновешенна как никогда ранее. Почувствовала

гармонию, легкость и тепло, а моими глазами отныне можно освещать ночные улицы.

В этот пасмурный день я перечеркнула «было», уступив штурвал «здесь и сейчас». В это ленивое утро я осознала, что люблю тебя всем сердцем. Я люблю тебя навсегда. Теперь я знаю, что мы скоро встретимся.

«Между вами случайно придуманный, никем не понятый мир,

И наивные выдумки о будущем уже не имеют значения.

Между вами сейчас сотни не пройденных миль,

А еще часы воображаемого общения.

Даты важные пока с пометкой «в будущем» – с ума сходишь от гаданий и суеверия.

И хоть встреча с ним тебе еще не назначена, вы судьбою повязаны: будь уверена».

Музыка: Peter Gregson – «A little Chaos»

«О внешнем, о важном»

Я могу закуривать, сжав зубами сигарету, и пить виски чистым, даже безо льда, что чести мне, само собой, не делает.

Могу подводить приоткрытые губы красным, рисовать кошачьи стрелки над изумрудными глазами и зачесывать непослушную копну набок. Весь образ будет диктовать наглый поворот головы и тщеславный наклон излюбленного тобой подбородка.

Могу пройти на стервозно-агрессивных каблуках от ба-

ра к выходу так, что вслед за мной, свернув шеи, выйдет даже охрана. Могу резко разворачиваться на сто восемьдесят и рубить металлические узлы крепких уз острым словом, не отмеряя семь раз. Дерзить, завораживая наглой ухмылкой мужчин и ей же раздражая женщин.

Да, я могу. Ну и что? Актрисе нужен выход – ни больше и ни меньше. И ты это знаешь, дорогой. Все это блеф и подкармливание моего демонического легиона. Впрочем, как и твоего – с моим одновременно.

А ты, так хамовато и быстро пробежавший глазами содержание моей Пандоры, лучше всех других знаешь, как нелепо и искренне я смеюсь над всем этим «образом», как покрываю миллионом поцелуев в секунду твои колючие щёки и как чертовски мне важно твоё «будем, девочка». Важнее сотни образов и масок, старательно отточенных, выточенных и вымученных и заученных для внешнего мира во избежание прямого с ним столкновения.

Как ценно для меня твоё attitude, будь оно проклято, и как я содрогаюсь всем телом и нутром от осознания того факта, что мир – к моим ногам, а ты моё сердце хоть с кровью выдирай из груди, я ни на шаг не отступлю; а дальше – больше. Как мне необходимо быть для тебя той самой мисс X, как я с ума схожу от «любовь моя, прости» и дальше плевать уже, что будет сказано. Я с тобой куда скажешь: в вечность, в бесконечность, в невесомость и в пропасть, и пусть мысль уже давно о непристойном и вообще сбилась, я твоим воздухом,

кажется, всю жизнь дышу. А дальше – больше.

«Я его иглой под кожу чернилами занесу, рандомными эскизами зарисую, чтоб навечно».

Музыка: David Usher – Black Black Heart

«Сказка о главном»

Хочу убежать в домик в горах. И чтобы хвойный зеленый лес отливал синевой, чтобы сиреневая дымка над шелковистыми травами, чтобы запах свободы и гармонии, излучаемый мятным чаем, который я заварю для тебя в старом чайнике, наполнял не только твои легкие, но и мысли.

Сочетание хвои, камней прохлады и огня в камине. Мы сбежали в сказку, и желание думать о возвращении усыпили спокойствием и неестественной для реального мира тишиной векового леса.

В старое кресло-качалку заберусь с ногами, спрятанными в вязаные носочки, утону в тысяче страниц Гарди или Достоевского. Буду прихлебывать чуть остывший чай из старушки-чашки, представляя, кто еще мог бы пить из нее, и кто пил десятилетия (а может, больше?) назад. А потом почувствую запах гренок или блинчиков, доносящийся из небольшой, но уютной кухни в скандинавском стиле. Лениво высушу одну ногу из-под клетчатого шерстяного пледа, затем другую, опуская ступни на прохладный деревянный пол старинной веранды. Войду в кухню. Ты обернешься, а я улыбнусь,

лениво пытаюсь расправить волосы, вьющиеся от наполняющего каждую клетку чувства свободы. Увижу полуулыбку на твоих колючих щеках, прошлепаю поближе к тебе по прохладному полу, уткнусь носом между лопаток. Непременно нырну ледяными пальцами под твой свитер, почувствую мурашки и выслушаю очередной поток шутливого негодования. Да, знаю, что тебе не нравится, когда лезу своими «ледышками», но как не лезть? Ты ведь теплый такой.

Заберусь на стул, открою верхний шкафчик, обнаружу на полке кленовое варенье. Перемещусь на край стола, где устроюсь поудобнее, и стану наблюдать за тобой, болтая ногами и поедая сладость. А ты будешь рассказывать мне что-то важное, и я поймаю каждое слово, и закрою каждое в особый сундук сокровищ моей памяти, чтобы ничего не упустить. Я хочу все-все запомнить. Все нотки голоса и все твои обороты речи, любимые слова и фразы. Ведь все такое особенное.

Ты подойдешь, взъерошишь непослушные волосы, когда я выдам очередную глупость или шутку, посмеешься или погладишь. Я прицеплюсь к твоей спине, словно самое ленивое в мире животное, замечу, что улыбаешься. А ты, придерживая мои ноги, принесешь меня снова на веранду, замотаешь в плед и попросишь подкурить сигарету. Тебе ведь нравится, как я это делаю. Выдыхая дым, ты вспомнишь, как получил один из своих бесконечных шрамов в детстве, ну или как отец учил тебя стрелять. А я расскажу, как мама учила

меня варить кофе или как мы с котом строили заговоры по захвату власти в доме.

Мы будем бродить по округе, стараясь запахнуть кардиганы или куртки как можно плотнее, шапка будет сползать с моих волос, а я буду с искренним и нескрываемым упорством натягивать ее на лоб и уши, которые будут неистово гореть от гадких завистливых мыслей всех тех, кто не верил в наше «будем» и феерично провалил попытки нас разлучить.

Поглощая зрачками бездонных карих глаз глубокие цвета леса, ты будешь вздыхать, как старик, задумываясь о бренности человеческой жизни в столь величественном мире, а в следующую секунду зальешься восторженным подростковым смехом, найдя под ногами шишку, похожую на твоего бывшего босса. Мы будем брать друг друга за руки так же порывисто и неожиданно, как в первый раз. Я буду любоваться твоей мраморной кожей, а ты моими глазами-хамелеонами. Мы обязательно принесем что-то в наш старенький домик. Что-то вроде камня или деревяшки. И назовем его как-нибудь странно. Альберт, например. Он будет нашим другом и семейным психологом.

Мы сделаем десятки фотографий, которые не будут нести никакого смысла ни для кого, кроме нас. И непременно на Polaroid. Мы будем рисовать угольками из костра на больших камнях у горной реки что-то до одури простое, и, может, ни капли не остроумное. Но нам будет тепло от осознания, что это наш первый совместный творческий проект. И

не меньше.

Ты упадешь в траву, потянув меня следом, и ошарашишь резкой сменой настроения: «Что для тебя счастье?» Я задумуюсь, но не найду, что ответить, потому что в голову ползут одни банальные цитаты известных людей.

Предположив, что глнтвейн развеет сомнения в нахождении истины, мы направимся к домику. Развалившись на шкуре какого-то чертовски крутого экс-хищника, мы окончательно зальем все социальные установки обжигающим напитком и сможем приблизиться, наконец, к нашей личной истине, ведь она, как известно, в вине. Мы обсудим имена еще даже не запланированных детей, воскресные барбекю и семейный просмотр фильмов. Выберем имя для большого слюнявого пса, которого абсолютно точно заведем по возвращении из сказки. Вопрос о счастье будет фоном звучать в моем сознательном\бессознательном, а ответа на него я так и не найду, решив, что «счастье» – слишком плоское слово, и оно вовсе не способно выразить ярких ощущений, особенных эмоций и, само собой, глобальных, всепоглощающих чувств, которые дарит мне каждое мгновение, когда мы едины.

Музыка: HabanotNechama – So Far

«Не банально – о любви»

Знаешь, душа моя, а любовь – она не об этом. Не о метаниях и сомнениях, не о бестолковом желании исправить

неисправимое по своей сути и не о попытках вытащить из человека то, что он дать тебе не может.

Любовь не равно зависимость. Секс не равно пошлость.

Знаешь, душа моя, из болота всегда можно выбраться, конечно, как и из любого nightmare в принципе. Но чистым оттуда выйти не получится. А значит, единственный выход не отмываться по итогу от грязи – сказать себе «нет» и предпочесть для затяжного дайвинга омут почище (что не означает поспокойнее).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.